

Межовиков Михаил Михайлович

диакон, магистр богословия, клирик храма Покрова Пресвятой Богородицы

Адрес: Республика Узбекистан, г. Самарканд, ул. Абдурахмана Джами, 12

E-mail: touroul@mail.ru

Жизнь архимандрита Серафима (Суторихина): подвиг терпения и любви

DOI: 10.24412/2587-9316-2022-00270

Из всех священнослужителей Самарканда имя архимандрита Серафима, пожалуй, более других сохранилось в памяти людей. Господь привел его в Самаркандский храм св. Великомученика Георгия Победоносца, в особый островок благодати, созданный молитвами и трудами живших здесь подвижников, и со временем он встал во главе этого удивительного «монастыря в миру».

Ключевые слова: архимандрит Серафим Суторихин, Средняя Азия, православие в Средней Азии, Русская Православная Церковь.

...

Для цитирования: Межовиков М.М. Жизнь архимандрита Серафима (Суторихина): подвиг терпения и любви // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. № 4. С. 98–140.

Mikhail M. Mezhovikov

Deacon, Master of Theology, Cleric of the Church of the Intercession of the Most Holy Theotokos

Address: Republic of Uzbekistan, Samarkand, Abdurahman Jami st., 12

E-mail: touroul@mail.ru

Life of Archimandrite Seraphim (Sutorikhin): a feat of patience and love

DOI: 10.24412/2587-9316-2022-00270

Of all the clergy of Samarkand, the name of Archimandrite Seraphim, perhaps more than others, has been preserved in the memory of people. The Lord brought him to the Samarkand church of St. Great Martyr George the Victorious, into a special island of grace, created by the prayers and labors of the ascetics who lived here, and over time he stood at the head of this amazing «monastery in the world».

Keywords: Archimandrite Seraphim Sutorikhin, Central Asia, Orthodoxy in Central Asia, Russian Orthodox Church.

...

For citation: Mezhovikov M.M. Life of Archimandrite Seraphim (Sutorikhin): a feat of patience and love. *Christianity in the Middle East*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 98–140.

Начало пути

Родился отец Серафим 16/29 июня 1901 года в селе Шестаково Георгиевской волости Слободского уезда Вятской губернии, в семье протоиерея Михаила Михайловича Суторихина, бывшего в то время священником Никольской церкви того же села.

Сам отец Серафим рассказывал о своем отце такую историю. Как-то в их селе был проездом известный по всей России отец Иоанн Кронштадтский. Собранный народ окружил карету так плотно, что отец Иоанн с трудом смог выйти из нее. Он остановился в том доме, где жил местный священник. Отца Иоанна осаждала толпа желающих побеседовать с ним или хотя бы взять у него благословение, а молодой Михаил Суторихин все никак не решался подойти к батюшке со своим вопросом. Но во время обеда отец Иоанн вдруг сам обратился к Михаилу и разрешил мучавший его вопрос: жениться или принять постриг? Как сказал ему отец Иоанн, так он и поступил. Сначала Михаил потрудился год в монастыре, а вернувшись, женился на своей избраннице — Анне Алексеевне, круглой сироте. Брак их был поистине благословенный. Супруги за всю жизнь не повысили голоса друг на друга, в семье был мир и лад. По благословению отца Иоанна Кронштадтского Михаил Суторихин принял священство¹.

Отец Серафим, названный при рождении Сергием в память преподобного Сергия Радонежского, был четвертым ребенком; всего же в семье было шесть детей. Сергий был единственным сыном и рос среди сестер. Мальчик был очень способным, у него была прекрасная память. Начальное образование он получил в земской школе в городе Слободском, а далее — среднее, в Слободском реальном училище. Во время учебы Сергий исполнял в храме обязанности помощника священника, а после полностью перешел трудиться

¹ Эта история была записана А.А. Трофимовым со слов работницы Свято-Георгиевского храма Нины Михайловны Сакмаркиной, которой в свою очередь ее рассказал архимандрит Серафим.

в храм. Мальчик рос при храме, и отец Михаил с четырех лет постоянно брал его с собою на богослужения. В шестилетнем возрасте Сергей начал прислуживать в церкви, приучаясь постепенно к церковному пению, и читал Апостол на Литургии [Архимандрит Серафим (Суторихин). Л. 27]. Ему сшили маленький стихарь, и мальчик помогал отцу во время службы, подавая кадило, вынося свечу и подпевая на клиросе. Родные вспоминали, что дома он часто играл в священника. Наденет на себя полотенце, привяжет к кружке веревочку и кадит ею по всему дому, распевая что-то при этом...

В 1908 году отца Михаила переводят из Шестакова в город Слободской, Вятской епархии, настоятелем Сретенской церкви (где он служил вплоть до своей смерти в 1934 году), и вся семья перебирается вместе с ним.

Юный Сергей учится музыкальной грамоте, изучает распевы и произведения церковных композиторов и в четырнадцать лет уже управляет левым хором в Сретенском храме, где служил настоятелем отец Михаил. В те годы Сергей хорошо изучил устав. Он читает много духовной литературы: творения Святых отцов, жития святых и богословские книги. С 1918 года, еще до окончания реального училища, ему приходилось исполнять обязанности псаломщика в той церкви, где служил его отец.

В 1919 году, после окончания реального училища, Сергей поступил в местную Народную аптеку, где проработал помощником и счетоводом до 1922 года, не оставляя службы в церкви [там же. Л. 27–28]. За десять лет службы псаломщиком ему удалось немалого достигнуть. Сам отец Серафим вспоминал о том времени так: «В этом Сретенском храме начал я приобретать навык в проповеди Слова Божия. В 1922 году мой отец благословил меня произносить проповеди за Богослужением на катехизические темы, и с тех пор я неопустительно проповедовал каждый воскресный и праздничный день» [Автобиография архимандрита Серафима].

В те годы разрешалось проповедовать не только священникам, но и мирянам. Это время стало для Сергея прекрас-

ной школой, ему нужно было подготовиться и помолиться перед каждой проповедью. В январе 1924 года за усердную службу Церкви Божией и за проповедь Слова Божия епископ Чебоксарский Симеон (Михайлов), в то время управляющий Вятской епархией, постриг его во чтеца [Архимандрит Серафим (Суторихин). Л. 27–28].

В двадцать лет Сергием был написан небольшой труд — «Об архитектуре храмов города Слободского», опубликованный в сборнике «Вятский край» за 1921 год.

В 1924 году он, по благословению родителей, едет в Москву поступать в духовную семинарию. Приехал он в Москву вместе с двумя друзьями, и они остановились недалеко от центра города у одной старушки. Сергей уступил место своим друзьям на кровати, а сам расположился на полу. На новом месте ему не спалось, и часа в четыре утра он потихоньку вышел в город, чтобы побродить по Москве. Было лето, на улицах почти безлюдно, и вот Сергей увидел, что редкие прохожие сворачивают все в какой-то переулок. Он решил пойти туда же. Каково же было удивление Сергия, когда он увидел, что вышел прямо к часовне у Воскресенских ворот с чудотворной иконой Иверской Божией Матери. Список с почитаемого образа Богородицы был привезен в Москву иноками с Афонского Пантелеймонова монастыря. Именно сюда, в это место Сергей желал попасть в первую очередь по приезде в столицу. Он вошел в часовню. На клиросе никого не было. Он приложился к иконе и встал перед ней в уголке. Тут из алтаря раздался возглас священника: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков». Сергей оглянулся вокруг и, увидев, что петь некому, запел: «Аминь. Царю Небесный...». Так они вдвоем со священником пропели молебен перед Иверской иконой. Позже подошли певчие, и Сергей, оставшись, пропел с ними весь день. Священнику и регенту понравился его голос, и ему было предложено поступить на службу псаломщиком. На предложение он объяснил, что приехал учиться на священника. Но услышал в от-

вет, что он и так сможет рукоположиться, а обучаться можно и здесь, участвуя в службах. Сергей согласился [Трофимов, 1992].

Отец Серафим всю жизнь почитал и любил образ Иверской Божией Матери и говорил, что с ним были связаны многие важные события его жизни. Правда, служить Сергию было нелегко, службы у иконы совершались круглосуточно. Он снимал угол недалеко, возле часовни. Часто, особенно ночью, читать и петь было некому, и тогда посылали за Сергием, и он безропотно шел на службы. А еще в часовне был список с чудотворной иконы для выезда к больным, и Сергей ехал с иконой — и опять читал и пел. Спать ему приходилось по 3–4 часа в сутки и то урывками. К тому же его часто посылали достать то одно, то другое для нужд часовни.

Так прошло два года.

В 1926 году многие православные храмы начали захватываться обновленцами. А когда пришла очередь Иверской часовни, священник, взявший Сергия на службу, посоветовал ему возвращаться домой к отцу.

Сергий едет в Слободской, где вновь помогает отцу и руководит церковным хором.

В 1929 году Иверскую часовню закрыли и снесли за одну ночь². В том же году отец Серафим получил в подарок от друзей фотографию, которая была сделана с главной иконы Иверской Божией Матери со снятым окладом, перед тем как ее изъяли власти. Проведя пятнадцать лет в лагерях, отец Серафим сумел сохранить эту заветную фотографию. Знаменитая икона Божией Матери Иверская была утеряна, и было неясно, какой именно список находился в часовне. Спустя годы фотоснимок, принадлежавший отцу Серафиму, послу-

2 Вот как описывает это очевидец событий, французский славист Пьер Паскаль (1890–1982), живший в те годы в Москве: «На входе на Красную площадь разрушили часовню Иверской иконы Божьей Матери. Люди идут мимо, смотрят, закипают изнутри от гнева, старухи плачут, бранятся. Комсомолец смеется: тебе что, жалко? <...> В Москве стирают с лица земли всё, что составляет историю. Чтобы не давать людям толпиться, выход на Красную площадь загородили баррикадами» [Фокин, 2016. С. 247].

жил подтверждением того, что утраченный образ Иверской Божией матери находится в Третьяковской галерее [Гусева, 2000. С. 8–22].

В Александро-Невском братстве

В 1927 году Сергей узнает о существовании в Ленинграде при Эстонской церкви Высших богословских курсов, ректором которых был бывший настоятель Казанского собора протоиерей Николай Чуков. С благословения епископа Виктора Глазовского, управлявшего Вятской епархией, он поступает на эти курсы, но успевает проучиться всего один год. В августе 1928 года по решению Ленсовета богословские курсы закрывают. Сергей трудится псаломщиком в храме Феодоровского подворья Ленинграда [Архимандрит Серафим (Суторихин). Л. 27–28]. Там он продолжает свое обучение музыкальной грамоте у известного регента и церковного композитора Василия Фатеева³ и руководит хором. Те, кто пел и служил с ним тогда, надолго сохранили самые светлые воспоминания о батюшке.

Здесь необходимо сделать отступление и рассказать об Александро-Невском братстве, так как оно сыграло огромную роль в жизни отца Серафима. Само это явление было уникальным. Возникло оно в 1918 году, сразу же после революции, при Александро-Невской Лавре, и стало очень привлекательным для молодежи. В первое время одной из главных задач братства была защита обители от безбожников. Позже оно стало играть центральную роль в создании и деятельности союза православных братств Петроградской епархии. В эти же годы Александро-Невское братство неустанно стремилось привлечь в церковную среду представителей различных слоев интеллигенции и сблизить их с ученым монашеством. Перед братством стояло много задач: сохранение института монашества, противостояние ересям и расколам, поиск новых форм духовного образования,

³ Василий Александрович Фатеев (1868–1942) был последним регентом Казанского собора, в котором прослужил более тридцати лет.

так как все религиозные учебные заведения были закрыты. И, конечно же, подготовка молодых, образованных священнослужителей и монахов, способных в это тяжелое время сохранить православие в стране, где царил дух богоборчества. Одной из особенностей служения в Александро-Невском братстве было каждодневное строго уставное богослужение и уставное (не партесное) пение.

Основателями братства были три иеромонаха — Гурий и Лев (Егоровы) и Иннокентий (Тихонов). С ними предстояло встретиться молодому Сергию, и эта встреча очень сильно повлияла на его дальнейшую жизнь. Он скоро сам станет членом братства и будет возглавлять молодежный кружок. Путем самообразования он пополнил свои знания до уровня семинарского курса.

Александро-Невская Лавра была тогда в руках обновленцев, и братия, не желавшая примыкать к ним, разошлась кто куда. Люди жили на чердаках и в подвалах, Сергей прожил зиму в нетопленной сторожке при церкви. Лишь несколько храмов в то время оставались не обновленческими, в том числе и Феодоровский собор, настоятелем которого был в то время архимандрит Лев (Егоров). А когда Сергей лишился места в сторожке и ему негде стало ночевать, иеромонах Гурий, увидев его бедствия, сказал, что отведет его в такое место, где живет один замечательный человек. Они пошли, забрались на какой-то чердак, и иеромонах Гурий представил Сергия протоиерею Вениамину Тихоницкому (будущему епископу Кировскому и Слободскому). Отец Вениамин ласково встретил его и поселил у себя. Сергей спал на железной скамье у изголовья протоиерея. Владыка стал его духовником [Трофимов, 1992].

О том, что происходило в Ленинграде в 1929 году, записал в своем дневнике один из ярких деятелей Александро-Невского братства, архимандрит Варлаам (Соцердотский):

...Нет и нашего Академического храма. Уже теперь одна забота, сохранить нетленным и неразрушимым храм своей души. Все видимые знаки Богопочитания постепенно приходится скрывать. Число храмов сокращается с каждым годом, может скоро их не будет совсем; многим приходится снимать и скрывать нательные кресты и иконы в квартирах. Теперь даже затруднения с церковными свечами и просфорами; может быть и от них придется отказаться. Но не оставляет нас вера, что врата ада, сейчас ополчившиеся на Церковь, не одолеют Ее, по заповеди Господа...⁴

В марте 1927 года Сергей присутствовал в Слободском на постриге своей родной тетки в монахини. По окончании обряда, когда Сергей подошел поздравить ее с принятием ангельского образа, та ему в ответ пожелала такого же пути. Вскоре приехал в Ленинград отец Сергия, о. Михаил. Он сказал, что сыну пора определяться: либо жениться и становиться священником, либо принимать постриг. Сергей сделал предложение девушке-певчей из хора Лизе Смирновой и послал своих сестер свататься к ней, но она побоялась стать женой священника и ответила отказом. Тогда архимандрит Лев (Егоров) предложил ему принять постриг [Трофимов (личный архив автора)].

Весной 12 апреля 1929 года, по благословению митрополита Ленинградского Серафима (Чичагова), архимандрит Лев постриг Сергия на Феодоровском подворье в монашество с именем Серафим — в честь преподобного Серафима Саровского.

А 14 апреля 1929 года епископ Каргопольский Сергей (Зенкевич) рукоположил отца Серафима на Феодоровском подворье в сан иеродиакона. Помимо чередной службы иеродиакон Серафим нес обязанности ризничего и руководил хором. Через год после пострига настоятель

⁴ Дневник архимандрита Варлаама. Рукопись в общей тетради из архива монахини Евдокии (Екатерины Александровны Тимашевой).

подворья — архимандрит Лев (Егоров) возложил на него послушание управлять правым хором певчих, каковое Серафим и исполнял до перехода в другую церковь. 4 апреля 1931 года, по представлению настоятеля, митрополит Ленинградский и Гдовский Серафим (Чичагов) на том же подворье рукоположил его в иеромонахи [Архимандрит Серафим (Суторихин). Л. 11]. После принятия пострига в монахи и вплоть до 1932 года отец Серафим служил в Феодоровском соборном храме, который являлся в то время центром Александро-Невского братства.

С началом 1932 года ленинградские власти приняли решение удалить из города всех людей, так или иначе связанных с Александро-Невским братством; последовали массовые аресты монашествующих, белого духовенства и мирян. Особенно трагичной была ночь с 17 на 18 февраля, когда в городе было арестовано около 500 верующих, среди которых оказалось сорок членов Александро-Невского братства. Но и после этой массовой акции агенты ОГПУ продолжали выискивать оставшихся братчиков. В течение двух последующих месяцев было арестовано еще около двухсот человек. Часть из них были расстреляны, многие скончались от болезней и истощения, отбывая в местах заключения по несколько сроков. Лишь немногим удалось уцелеть.

1 марта 1932 года Серафим был назначен настоятелем Тихвинской церкви в поселке Лесное, под Ленинградом, на место арестованного настоятеля — иеромонаха Вениамина (Эссена). Однако прослужил здесь отец Серафим недолго, всего две недели. Он слышал о начавшихся арестах и чувствовал, что за ним должны прийти. Его вещи были собраны заранее. Отец Серафим снимал квартиру на третьем этаже и однажды, во время вечернего правила, услышал шаги под своими окнами. Выглянув, он увидел фигуру работника органов НКВД, в черном кожаном пальто и черной фуражке. Вскоре за ним поднялись и постучали в дверь. Пришедшие

были удивлены тем, как спокойно держался отец Серафим, и предложили ему проследовать за ними.

Отец Серафим был арестован 14 марта по «делу Александро-Невского братства» и постановлением «тройки» ОГПУ осужден на пять лет заключения по статье № 58 (п. 10 и 11) [там же. Л. 27–28]. Отбывал срок в Свирском исправительно-трудовом лагере до 28 декабря 1936 года, работая на лесоповале. Там он обморозил себе руки и ноги, и они потом до конца жизни болели. Вообще, выносливость и терпение у отца Серафима были удивительные, он умел терпеть боль, как мало кто, и никогда не говорил и не показывал, что ему больно. В бараке он неукоснительно выполнял монашеское правило, становился в уголке и молился. Сначала заключенные над ним посмеивались, но потом привыкли. Был с ним в лагере один архимандрит, с которым они вместе служили и совершали требы. На праздники собирались в лесу, где молились и пели. Отец Серафим рассказывал, как ему запомнилась одна Пасха: служили в лесу, все пели «Христос воскрес», а потом разговлялись пшенной кашей, и была это удивительная какая-то радость и благодать.

Репрессии и награды

После освобождения из заключения иеромонах Серафим возвратился на свою родину в Слободской. Вскоре, в апреле 1937 года, архиепископом Кировским и Слободским Киприаном (Комаровским) он был назначен на вакантную должность священника в Екатерининский собор Слободского. Но послужить ему опять пришлось недолго, 12 июля 1938 года отец Серафим был вновь арестован и постановлением Специальной коллегии областного суда Кировской области от 19 ноября 1938 года осужден на десять лет заключения по статье 58-10, ч. 1, УК РСФСР. Второй срок батюшка отбывал на в Печоре (Коми АССР), в северном железнодорожном лагере, работая учетчиком и помощником фармацевта [там же]. Там его несколько раз заваливало срублен-

ными елями, но до времени обходилось без последствий. Однако 18 февраля 1943 года, в день памяти свт. Феодосия Черниговского, на отца Серафима во время работы упало дерево, покалечив ему ногу.

14 апреля 1943 года батюшку выпустили на свободу, как неспособного к работе. Искалеченный, отец Серафим снова возвращается в Слободской и с 1 августа 1943 года епископом Кировским Вениамином (Тихоницким) назначается настоятелем Троицкого собора в селе Быстрица Оричевского района Кировской области [там же. Л. 13]. Батюшка со всей энергией взялся за налаживание духовной жизни на приходе, создал и обучил хороший хор. С 1943 по 1947 годы он служил ежедневно. В 1944 году, на Пасху, он, по представлению епископа Вениамина, был награжден золотым наперсным крестом: за благочестное служение Божией Церкви, ревностное исполнение пастырских обязанностей и ликвидацию Викторовского раскола, так как вернул большую часть церковной общины, отколовшейся за время обновленчества. В годы Великой Отечественной войны он в своих проповедях призывал прихожан к защите отечества и собрал много средств и пожертвований на военные нужды и в помощь осиротевшим семьям. За эти труды в 1947 году отец Серафим был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне за 1941–1945 гг.» [«Участвовало в стяжении победы...», С. 56–60]. С 1945 по 1948 годы отец Серафим по единодушному избранию всего духовенства исполнял обязанности духовника благочиния Оричевского района Кировской области [Архимандрит Серафим (Суторихин). Л. 11].

В 1948 году у него снова возникают осложнения с местными властями. Уполномоченный в Быстрице вызвал к себе на беседу духовную дочь батюшки и в разговоре намекнул ей, что отец Серафим слишком «загулялся» на свободе и может опять попасть под арест. Она пересказала содержа-

ние этого разговора батюшке, и он, не зная, как поступить, в свою очередь направился к владыке Вениамину за советом.

Служа в Быстрице, отец Серафим узнал, что начинает возрождаться Троице-Сергиевская Лавра и что ее наместником назначен архимандрит Гурий (Егоров), знакомый ему по Александро-Невской Лавре. Он пишет письмо архимандриту Гурию:

После 1932 г. я потерял связь с отцами и живу без всякого руководства в своеволии. От старых ленинградских знакомых узнал, что Вы находитесь в Москве, но не знал Вашего адреса. Из журнала М[осковской] П[атриархии] и от нашего Владыки я узнал о настоящем Вашем служении и очень обрадовался. Может быть, Господь передаст меня от одного брата другому? Прошу Вас, будьте добры дать мне совет, как мне быть в настоящее время, когда открываются монастыри: в Киеве, где монастыри открылись раньше, мне было не к кому обратиться, да и далеко это. Троице-Сергиевская Лавра ближе, и Преподобный Сергей — мой небесный покровитель, имя которого я носил до монашества, и Вы там являетесь организатором монастыря — отец, к которому мне ближе всего обратиться после отца Льва (Егорова). Наш Владыка Вениамин благословил меня обратиться к Вам. Если Вы найдете благовременным и полезным для спасения моей души поступить мне в настоящее время в Ваш монастырь — благословите! Истомленный обращением в мир, нуждаясь в духовном окормлении, покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие принять меня в число братии окормляемой Вами Троице-Сергиевской Лавры [там же. Л. 1–3].

Но этим надеждам не суждено было осуществиться. Письмо это было написано в июле 1946 года, а через месяц сам архимандрит Гурий был хиротонисан во епископа и назначен правящим архиереем Среднеазиатской Епархии. Од-

нако владыка Гурий не забыл отца Серафима и стал звать его к себе в Ташкент:

Нужда в таком человеке как Вы — огромная. Не можем найти никого подходящего для левого клироса в наш Собор. Это должен быть не просто регент — а вдохновитель Богослужения и народного пения. С этим делом (которое, знаю, хорошо известно Вам) соединяется другое служение — ключаря Собора. Жду Вас как преподавателя Богословско-пастырских курсов и намерен назначить членом Епархиального Совета. Итак, Вы должны работать в Ташкенте. Этого требует церковная потребность, — это необходимо и для Вас. Помогите сделать Соборное Богослужение образцовым. Наш Кафедральный Собор задает тон и пример 66 приходам нашей епархии [там же. Л. 4–5].

Владыка Гурий пишет письмо епископу Кировскому и Слободскому Вениамину с просьбой отпустить отца Серафима потрудиться в Среднеазиатской епархии, находившейся к тому времени в упадочном состоянии. Владыка Гурий ставил своею целью собрать возле себя пастырей-единомышленников для возрождения духовной жизни в епархии.

В ответ архиепископ Кировский и Слободской Вениамин писал владыке Гурию:

С большим сожалением и скорбью даю согласие на переход в Вашу Епархию иеромонаху Серафиму. Лишаюсь наилучшего своего сотрудника на Ниве Божией, но да будет Воля Божия» [там же. Л. 14].

Отец Серафим берет благословение на переезд у своей матери и в ноябре, уволившись по собственному прошению с правом перехода в другую епархию, направляется в Среднюю Азию.

Приехавшему в Ташкент отцу Серафиму было предложено стать епархиальным секретарем при владыке, но он попросился на такое место, где можно было бы служить каждый день и быть поближе к людям. Владыка Гурий направляет его в Самаркандский храм Великомученика и Победоносца Георгия, где ему предстояло прослужить тридцать лет [там же. Л. 15].

Второй священник

3 декабря 1948 года отец Серафим приезжает в Самарканд с маленьким чемоданчиком и как раз поспекает ко всенощной под праздник — Введение во храм Пресвятой Богородицы. Батюшка вошел в храм во время вечерней службы. Он сразу встал на клирос и запел вместе со всеми. После всенощной престарелый настоятель храма — отец Петр Княжинский подошел к неизвестному иеромонаху и, поблагодарив его, сказал, что владыка уже давно обещал ему дать в Георгиевский храм второго священника. На что отец Серафим сказал, что он и есть тот самый священник, которого направил владыка Гурий: «Прошу любить и жаловать». «Жаловать мы вас будем, — отвечал отец Петр, — а вот любовь еще нужно заслужить».

Любовь эту батюшка очень скоро заслужил, он покорила всех своим вниманием и заботой, своей безотказностью, совершенно не думая о себе; заслужил своим веселым и общительным характером.

Батюшка поселился в помещении, находящемся между крещальней и комнатой, где проживал сам отец Петр. К приезду отца Серафима Свято-Георгиевская община представляла из себя небольшую, но сплоченную семью, основу которой составляли; настоятель отец Петр, монахиня Елецкого монастыря Иуния, монахиня Евдокия, монахиня Рафаила и староста Варвара Игнатьевна Зверева.

13 декабря отец Серафим получил справку о регистрации. Спустя несколько недель после своего назначения он пишет владыке Гурию из самаркандского храма:

Прошу Вашего Святительского благословения на мое новое место жительства! Слава Богу — прописали. Теперь я немного успокоился. Благодарю Бога, благодарю и Вас, Святой Владыка, за то, что меня устроили здесь. Я еще ко всему присматриваюсь, знакомлюсь со всеми окружающими. И первое впечатление такое, что хочется за все благодарить. Отец Петр встретил меня очень приветливо и во всем проявляет ко мне отеческую заботу. Матушки (монахиня Иуния и монахини Евдокия и Рафаила) также проявляют большую заботу о моем устройстве. Умиленно-благодарственное настроение отца Петра и во время Богослужения и на келейной молитве и так в течение дня, очень трогательно и для меня приятно, так как я чересчур застыл в своем буквалистически-уставническом самодовольстве. Храм мне нравится. Службу можно бы кой чем скрасить. Вот двор производит не особенно хорошее впечатление; необходимо увеличить древонасаждения [там же. Л. 12].

Спустя какое-то время стараниями отца Серафима весь двор храма был засажен цветами и декоративными деревьями. Возле окон его комнаты также были устроены клумбы с цветами, а на соседней веранде цвели его любимые голубые вьюнки. Отец Серафим не только сам любовался цветами, но и частенько одаривал ими своих гостей. В теплое время года батюшки размещались на застекленной веранде, а с наступлением осенних холодов, переходя в комнаты, затапливали печи.

Отец Серафим горячо принялся за налаживание певческого дела на приходе. Он сумел не только организовать слаженный хор певчих, но и вовлечь простых прихожан участвовать в богослужениях. К концу 1949 года вечерами

в воскресные и праздничные дни, при участии в пении всех молящихся, совершались вечерни и читались акафисты.

Через год с небольшим отец Петр Княжинский пишет владыке Гурию письмо, в котором просит его ходатайствовать перед Святейшим Патриархом о награждении отца Серафима палицей за ревностное служение. Отец Петр имел за плечами немалый жизненный опыт, и в этом письме он характеризует отца Серафима как пастыря доброго, всецело преданного служению Церкви Божией и как монаха высокого достоинства.

Переведясь в Самарканд, батюшка не прервал связи с Вятской епархией и своими прежними духовными чадами. Он не забывал свою бывшую паству и регулярно посылал им на адрес храма Пасхальные приветствия.

Сначала отец Серафим служил в самаркандском Свято-Георгиевском храме вторым священником, взяв на себя исполнение треб и помогая во всем престарелому отцу Петру. Храм располагался близ кладбища, и в него заносили отпевать усопших со всего города, а также обращались с различными требами. Своих забот у отца Серафима будто и не было, он жил радостями и бедами своих прихожан и духовных чад. Со временем батюшка знал практически весь свой приход; не было дома, в котором бы он не побывал [там же. Л. 38]. Очень часто его звали то соборовать, то причастить на дому, и он безотказно шел пешком, невзирая на дальность расстояния, и только просил дать ему провожатых — чтобы показывали дорогу к больному.

Отца Серафима стали сильно донимать больные ноги. Годы, проведенные в лагерях, и травма — все давало о себе знать. Но как ни болел батюшка, как ни страдал от трофических язв на ногах — всегда шутил, всегда всех подбадривал. Службы в Георгиевском храме велись без выходных — по монастырскому уставу, и без сокращений; да и вся обстановка там была монастырской.

Свое молитвенное правило батюшка начинал в 6 часов утра. После него он торопился в храм и в алтаре около часа читал помянники и записки за живых и усопших. Затем начиналась служба: отец Серафим сам поет и читает и возгласы произносит, только алтарница – монахиня Рафаила прислуживает. Если же он не совершал сам Богослужения, все равно находился в храме и пел на клиросе.

После службы начинались многочисленные требы. Отец Серафим очень любил крестить и особенно венчать. Перед совершением таинств обязательно проводил беседы, а взрослых он крестил лишь после долгого предварительного собеседования и расспросов. Многие после таких бесед становились потом прихожанами храма. В первые годы служения, по просьбе владыки, отец Серафим много ездил по приходам епархии, помогая и там налаживать церковное пение. Тогда же он принял участие в издаваемом владыкой Гурием «Епархиальном Вестнике» и сам писал для него многие статьи. В 1950 году на Пасху отец Серафим был награжден Святейшим Патриархом Алексием грамотой, которая висела в рамке под стеклом в его келье.

Это были годы, когда в Самарканде собрались особые священнослужители. Первые пять лет служения отца Серафима совпали со служением архимандрита Ермогена (Голубева), который был тогда настоятелем в соседнем храме — Покровском соборе. За эти годы они хорошо узнали друг друга. Архимандрит Ермоген любил приходить в гости к отцу Петру и батюшке Серафиму, и они засиживались вечерами за беседой. Выезжая в Ташкент, отец Серафим останавливался у архимандрита Бориса Холчева. Сам он упоминал, что они с отцом Борисом исповедовались друг у друга. В 1953 году на место архимандрита Ермогена был назначен священник Сергей (Никитин), ставший позже епископом Калужским и Боровским Стефаном. В эти же годы частым гостем в Свято-Георгиевском храме был протодьякон Алек-

сей Шенрок, высланный за религиозные убеждения из Москвы в Среднюю Азию.

В минуты отдыха отец Серафим занимался самообразованием, много читая духовные книги и классическую литературу. Он выписывал «Журнал Московской Патриархии» и богословские труды. Мысль получить полное духовное образование, прерванное в 1928 году, не оставляла его. В декабре 1952 года отец Серафим отправляет свои документы для поступления на заочный сектор в Ленинградскую Духовную Академию и начинает серьезно готовиться к поступлению, но что-то опять помешало этому.

В 1953 году Великим постом умирает мать отца Серафима, которую он очень любил. Ему не удалось выехать на ее похороны, о чем он скорбел.

В феврале 1953 года владыка Гурий покидает епархию, а его преемником становится хорошо знакомый отцу Серафиму архимандрит Ермоген (Голубев), хиротонисанный во епископа.

12 июля 1953 года, по благословению Святейшего Патриарха Алексия, ко дню святой Пасхи иеромонах Серафим был возведен владыкой Ермогеном в сан игумена.

За время своего служения батюшка Серафим был награжден четырьмя Патриаршими грамотами. В 1954 году его назначают сначала временно исполняющим обязанности благочинного вместо престарелого отца Петра, а через два года утверждают в этой должности [там же. Л. 30–36]. В апреле 1956 года его назначают членом Епархиального Совета. Владыка Ермоген несколько раз намеревался переместить отца Серафима настоятелем то в Фергану, а то в соседний Покровский собор, но отец Петр всякий раз упрашивал его оставить при нем отца Серафима. В письме отца Петра к владыке есть такие строки:

Я, конечно, мог бы писать Вам о том, что лично для меня, старика, необходим такой помощник, как о. Се-

рафим, так искренне и простодушно оберегающий мою старость, но предоставлю ему самому высказаться по вопросу возможного его перемещения [Письмо отца Петра Княжинского Владыке Ермогену].

6 мая 1956 года, во время поездки по самаркандскому благочинию, владыка Ермоген посетил Свято-Георгиевский храм. В этот день по случаю храмового праздника, в присутствии всех священников благочиния, владыка совершил Божественную Литургию и возложил палицу на игумена Серафима.

В июне 1958 года отец Петр Княжинский скончался. После этого вся община пишет письмо в Ташкент владыке Ермогену с горячей просьбой — утвердить отца игумена Серафима настоятелем осиротевшего прихода:

Отец игумен Серафим не только знает имена почти всех прихожан от мала до велика, но он и души наши знает, т.к. в течение 10 лет был духовником почти всей нашей общины. В лице дорогого и любимого всеми отца Серафима мы боимся потерять <...> нашего молитвенника и ко всем доброжелателя, потеря которого тяжело отразится на духовной жизни и сплоченности нашей общины [Архимандрит Серафим (Суторихин). Л. 38].

После кончины отца Петра матушки Иуния и Евдокия переселяются в его комнату, находящуюся по соседству с помещением батюшки Серафима, где и будут жить до самой своей кончины. В ноябре владыка утверждает кандидатуру отца Серафима настоятелем Свято-Георгиевского храма. В этом же году, ко дню освящения Кафедрального собора в Ташкенте, по представлению владыки Ермогена, Святейший Патриарх Алексий наградил батюшку крестом с украшениями. 31 мая 1959 года владыка Ермоген приехал в Свято-Георгиевский храм для служения, а также для на-

граждения игумена Серафима митрой и возведения его в сан архимандрита, приуроченных ко дню светлой Пасхи.

В том же 1959-м, на тридцатом году монашества, у батюшки началась тяжелая сердечная болезнь, не отпускавшая его до конца дней. Стали сказываться последствия травмы, полученной в лагерях. У него на ноге открылись две незаживающие раны, из-за которых он вынужден был совершать службы, стоя на здоровой ноге, испытывая при этом сильные боли. Когда становилось совсем плохо, позволял себе присаживаться на время молебна.

У батюшки было заведено: все, кто желал помолиться, могли собраться к нему на вечернее правило и на благословение. Перед началом послушница звонила в колокольчик, все собирались на террасе. Затем батюшка приглашал всех в первую комнату кельи, становился перед иконами в уголке, и все вместе пели «Царю небесный», тропари св. Великомученику Георгию, преподобному Сергию. Батюшка же поминал имена своих близких и всех присутствующих. Затем все по очереди подходили к батюшке; он держал в руках икону св. Великомученика Георгия с клеймами, благословлял каждого и давал приложиться к ней. После этого все шли в келью к батюшке на правило.

По окончании молитв батюшка молился обо всех присутствовавших, называя каждого по имени. После этого все подходили под благословение к батюшке и прикладывались к лежащему на аналое распятию. Затем отец Серафим брал икону Богоматери Иверскую и снова благословлял каждого иконой, давая приложиться к ней, называя при этом каждого по имени. Когда участники вечерних молитв расходились, отец Серафим брал икону Георгия Победоносца и обходил с нею всю территорию храма.

Новые преследования

В конце 1950-х вновь начались притеснения верующих, и для многих открыто посещать церковь стало трудно. Поэ-

тому к батюшке частенько подходили люди с просьбой обвенчать или же покрестить, но тайно, чтобы никто не видел. Отец Серафим с пониманием относился к этим просьбам и всегда шел навстречу таким людям, хотя он сам при этом тоже рисковал. Были случаи, когда батюшку пытались подловить при совершении «подпольных» таинств и даже подсылали к нему специальных людей.

21 мая 1960 года владыка Ермоген в последний раз посетил самаркандский Свято-Георгиевский храм, где присутствовал за Литургией и совершил молебен Св. Ап. Иоанну Богослову. Вскоре архиепископа удалили из Ташкентской епархии, а после этого власти взялись за его единомышленников.

На страницах местной газеты «Ленинский путь» начинают печататься статьи клеветнического характера, порочащие духовенство города. И предметом их особых нападок стали архимандрит Серафим и настоятель соседнего Покровского собора — игумен Нифонт (Андрусевич) [Иринин, 1960].

В декабре 1960 года в самаркандский горсовет, уполномоченному и в редакцию «Ленинского пути» были разосланы письма с ложными обвинениями и жалобами на отца Серафима и настоятеля Покровского собора — отца Нифонта, а также с предложением лишить их регистрации, а Свято-Георгиевский храм закрыть. Отреагировав на это письмо, газета опубликовала статью под названием «Жизнь берет свое», где священникам предъявлялись нелепые и несправедливые обвинения [Иосько, 1960]. Дошло до того, что община Свято-Георгиевского храма была вынуждена встать на защиту своего настоятеля, написав обстоятельное и подробное опровержение, для чего было собрано более трехсот подписей прихожан.

В январе 1961 года, перед Великим постом, пришло новое испытание: отца Серафима, как благочинного, вызвал к себе самаркандский уполномоченный. Он потребовал сведе-

ния о доходах и статистике посещаемости всех самаркандских церквей. Через месяц он снова вызвал отца Серафима и уже на повышенных тонах потребовал перед началом Великого поста объявить, чтобы молодежь в церковь не ходила. Отец Серафим ответил, что он этого объявлять не будет, и сослался при этом на действовавшее законодательство.

Поняв, что ни уговорами, ни давлением на отца Серафима воздействовать нельзя, уполномоченный решил вопрос иначе. Вызвав батюшку в третий раз, он стал обвинять его в том, что тот заманивает в церковь молодежь, занимается вымогательством и что он незаконно приобрел дом для церкви и для причта... В конце беседы уполномоченный заявил отцу Серафиму, что в Среднеазиатской епархии ему отныне нет места, и отобрал справку о регистрации. Случилось это Великим постом — 11 марта 1961 года, за несколько недель до светлого праздника Пасхи [Архимандрит Серафим (Суторихин). Л. 41–44]. Вслед за тем уполномоченный отобрал справки о регистрации еще у двух настоятелей самаркандских храмов.

На двери Свято-Георгиевского храма был повешен большой замок. С 11 по 25 марта богослужения не совершались. Не имея возможности попасть внутрь храма, люди становились лицом к алтарю, под навесом с северной стороны храма. Прихожане служили «чин обедницы» и читали акафист святому Великому ученику Георгию Победоносцу. На эти молитвенные воззвания постоянно собиралось по 30–40 человек.

По указанию владыки Гавриила 27 марта в Самарканд был откомандирован священник Свято-Сергиевского молитвенного дома города Фергана — Николай Моргун. Он принял у батюшки Серафима дела по Свято-Георгиевскому храму. Самаркандское благочиние было тогда объединено с Ферганским, а общим благочинным был утвержден архимандрит Клавдиан (Моденов).

Отец Серафим оказался за штатом и не мог далее служить. Под вопросом оказалось существование самого храма. Это был удар и для отца Серафима, и для монахинь, служивших при церкви, а также для всех прихожан. Началась битва за храм, так как власти планировали в дальнейшем использовать помещение церкви под детский сад, а его общину объединить с общиной Покровского собора. Чтобы помешать закрытию храма, верующие установили дежурства, проводя все дни в его стенах. Члены «двадцатки» (приходского совета) стали каждую неделю ходить к городским властям с просьбой открыть храм. В его защиту были собраны подписи около 5 тысяч верующих.

Пасхальную службу провел присланный священник Николай Моргун в сослужении иерея Кодрата Малахова, а отец Серафим всю ночь стоял на клиросе вместе с певчими. Теперь архимандрит Серафим числился при Свято-Георгиевском молитвенном доме как вольнонаемный регент, хотя для членов общины он продолжал оставаться негласным настоятелем [там же. Л. 48]. Посланцы от общины неоднократно ездили с просьбами в Ташкент, но возвращались ни с чем. Батюшка Серафим написал прошение на имя Патриарха. Прихожане писали письма в разные инстанции, староста храма с бумагами и документами поехала в Москву, чтобы обратиться в Совет по делам религий. Официально храм не был закрыт, а нового настоятеля не назначали. Регулярные службы священниками в храме не велись. Чтобы службы в церкви не приостанавливались, по благословению отца Серафима миряне совершали службы без литургии «чин обедницы». Сам батюшка у себя в келье, тайно, продолжал ежедневно служить Литургию на антиминоссе. Отец Серафим пишет в те дни: «Положение наше ничего утешительного не предвещает. По-прежнему, будем жить одним днем. Что Бог даст!» [Архив Свято-Георгиевского храма].

В храм присылали временно то одного, то другого священнослужителя. После священника Николая Моргуна поч-

ти все лето исполнял обязанности настоятеля неопытный священник Кодрат Малахов, а с сентября по декабрь священник из Ташкента — протоиерей Александр Кошкин.

В мае 1962 года батюшке по почте пришло сообщение о его реабилитации, в котором говорилось, что приговор Кировского областного суда от 19 ноября 1939 года, которым отец Серафим был осужден по ст. 58–10, постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 5 мая 1962 года отменен. Отец Серафим подал документы на оформление пенсии, так как в силу сложившихся обстоятельств он остался без средств к дальнейшему существованию.

Весной уполномоченный вызвал к себе члена «двадцатки» М.Е. Москалец и сообщил ей, что он снял с регистрации 2-х членов Церковного Совета; старосту храма В.И. Звереву, и матушку Евдокию. Москалец, как более стоворчивую, уполномоченный назначил новой старостой, и ей было поручено следить за порядком в Свято-Георгиевском храме.

Отец Димитрий Козулин и матушка Антонина в то лето как раз собирались венчаться, и батюшка Серафим пошел навстречу молодым. Он тайно обвенчал их, хотя в той ситуации это было довольно рискованно. О назначенном дне были оповещены только самые близкие и доверенные люди. К вечеру, когда ворота храма были уже закрыты, со стороны заднего двора была приставлена лестница, и все собравшиеся украдкой перелезали по ней через забор, чтобы проникнуть в помещение церкви для совершения таинства. Здесь их ожидал батюшка Серафим. Венчание совершалось при закрытых дверях⁵.

Все лето и осень отец Серафим числился наемным певчим и руководителем церковного народного хора. Но городские власти не успокаивались и выражали недовольство, что батюшка Серафим, оказавшись за штатом, продолжает проживать в Самарканде, и пытались воздействовать на него через владыку Гавриила. Под давлением властей владыка Гавриил написал письмо отцу Серафиму, где советовал ему

покинуть пределы епархии. В ответном письме отец Серафим, выражая готовность последовать этому совету, спрашивал: «Но кто останется здесь? Хора нет, ответственного и могущего руководить службой нет. Храм падет. Все эти соображения заставляют меня оставаться здесь» [Архимандрит Серафим (Суторихин). Л. 49].

С 7 декабря 1961 года отец Серафим взял не использованный за два года отпуск и по совету владыки поехал к себе на родину. Он остановился в Кирове у своей единственной к тому времени родной сестры. Там он прожил ровно два месяца, пробовал ходить к местному уполномоченному, в надежде получить место в одном из Кировских приходов, но в этом ему было отказано в категорической форме [там же. Л. 88].

Указом владыки Гавриила от 31 декабря 1962 года отец Серафим был уволен за штат, с правом служения в другой епархии.

Вернувшись из Кирова, он стал совершать богослужения в помещении храма по ночам. По договоренности после 12 часов к нему тайно приходили две певчие, мать с дочерью, жившие неподалеку, и они при закрытых дверях втроем пели, а батюшка служил Литургию.

После того как его лишили регистрации, официально он мог служить либо певчим, либо регентом, но только не священником. Состояние неопределенности мучило отца Серафима, но он решает все-таки остаться в самаркандском храме. На это его решение повлияло то, что он обещал упокоить старицу, матушку Иунию, находившуюся фактически при смерти [там же. Л. 63].

Для того чтобы в храме велись постоянные службы, благочинный — архимандрит Клавдиан (Моденов) предложил рукоположить во священники молодого диакона из Покровского собора — отца Александра Керимова. В сентябре 1963 года отец Александр становится вторым священником в Покровском соборе и приходит служить в Георгиевский

храм, так как в это время служить было некому. В декабре 1962 года владыка Гавриил направляет отца Серафима временно послужить на Рождественские праздники в Каган, а в 1963 году батюшка возвращается в самаркандский Свято-Георгиевский храм. Великим Постом он уже служит на 12 Евангелий, на вынос плащаницы и в Великую субботу, а три дня Пасхи служил отец Александр (Керимов) из Покровского собора. Пасхальные празднества встретили радостно, и народу на них собралось много.

Отец Серафим оставался тайным лидером общины. Перед Новым, 1964-м, годом члены общины пошли к самаркандскому уполномоченному с просьбой о разрешении послужить на Рождество и заодно выяснить, как решается вопрос, касающийся неопределенного положения храма. Уполномоченный ответил, что его как раз вызывают в Ташкент по этому поводу. Батюшка Серафим писал в те дни:

По милости Божией и по молитвам св. вмч. Георгия еще один праздник светло отпраздновали. Правда, предварительно немало поволновались. Разрешили служить на 7-е и 8-е января. Народу было много, особенно у обедни 7-го. Пели и народ и на клиросе. Вечером пришли и Фаина Петровна и Катюша, так что пение особенно удалось. Служил молодой отец Александр Керимов. Словом, Праздник получился хороший! Господь снова утешил рабов своих! [Архив Свято-Георгиевского храма]

22 января в Георгиевский храм наконец пришло радостное известие, которого все давно ждали с нетерпением. Согласно прошению Церковного совета храма, владыка Гавриил назначил отца Александра Керимова исполняющим обязанности настоятеля.

Но в марте 1964 года отца Серафима и всех проживающих на церковном дворе вызвали в самаркандский горсовет и предложили под угрозой передачи дела в суд в пятиднев-

ный срок освободить занимаемые помещения. Власти пытались оказывать давление на председателя Церковного совета общины, вынуждая ее согласиться с их требованиями, говоря, что Великий пост и Пасху еще дадут послужить, а далее храм все равно закроют. Дело в том, что городскими властями снова был поднят вопрос о слиянии Свято-Георгиевского прихода со Свято-Покровским, чтобы в городе остался только единственный действующий храм. Но архимандрит Серафим с монахинями решили не покидать территории своей церковной ограды. Батюшка в свою очередь потребовал письменного распоряжения с объяснениями, но так как власти действовали незаконно — дальше запугиваний и угроз дело так и не пошло [Архимандрит Серафим (Суторихин). Л. 60–61].

В ноябре того же года матушка Евдокия решила написать владыке Гавриилу письмо, в котором просила его разрешить отцу Серафиму служить, хотя бы заменяя отца Александра в его отсутствие, а позже — оставить отца Серафима вторым священником [там же. Л. 63]. (Отец Александр Керимов выезжал два раза в год по вызову Московской Духовной Академии для сдачи экзаменов, и храм на несколько недель оставался без священника.) В декабре Церковный совет вновь обратился к владыке с этой же просьбой, но тот пока выжидал с решением.

Прошло четыре года мытарств и ожидания, и наконец, приказом владыки от 29 марта 1965 года, заштатный архимандрит Серафим временно назначается вторым священником Свято-Георгиевского храма. Самаркандский уполномоченный не решался самостоятельно дать отцу Серафиму постоянную регистрацию. Тогда батюшка сам пишет в Москву письмо, где обращается с прошением на имя Председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР В.А. Куроедова, прося содействия в восстановлении его в служении. Свое письмо он заканчивает словами:

Считая, что четыре года лишения служения срок немалый и для больших преступлений (каковых я за собою не знаю), прошу Вашего содействия в восстановлении меня в служении. И хотя мои силы и здоровье за это время заметно пали, думаю, что в небольшом приходе я мог бы еще послужить [Архив Свято-Георгиевского храма].

25 июня 1965 года в жизни общины происходит долгожданное событие — Георгиевская община и ее исполнительный орган наконец-то были зарегистрированы Уполномоченным по делам культов Самаркандской области. 20 января 1966 года был заключен договор с Горсоветом о пользовании храмом и культовым имуществом. А 25 августа 1966 года указом владыки Гавриила отец Серафим был восстановлен в должности настоятеля Свято-Георгиевского храма [там же. Л. 67].

Последние годы

Батюшка вновь приступил к своим обязанностям в должности настоятеля, но вскоре случилась другая беда, сильно испугавшая весь приход. Еще в 1964 году у отца Серафима на ноге открылась трофическая язва. Но, несмотря на это, он не оставлял служения в храме. И вот теперь болезнь снова заявила о себе.

Осенью 1967 года батюшка слег. Община срочно обратилась с письмом к владыке Гавриилу, известив его о случившемся. Врачи прописали батюшке постельный режим. Матушка Евдокия заботливо ухаживала за ним. Но отец Серафим, игнорируя советы врачей, вскоре снова встал на ноги и весь следующий год прослужил практически один. Превозмогая боль, он вернулся к прежнему ритму жизни, стараясь успеть сделать как можно больше. В апреле 1972 года он берет отпуск, чтобы поехать в Москву: здесь для него нашли врача, согласившегося заняться излечением язвы на ноге.

В 1968 году исполнялось двадцать лет, как батюшка Серафим приехал в Самарканд. Чтобы отметить его безупречное служение, община Свято-Георгиевского храма приобрела крест с украшениями и преподнесла в дар батюшке.

В июне 1969 года отец Серафим ездил в Каган, неподалеку от Бухары, где по поручению владыки освятил новостроенный Покровский храм. В эту поездку батюшка взял с собою молодого помощника — Димитрия Козулина: он тогда начинал готовить его как своего преемника, способного после него возглавить приход церкви. Настоятелем в Каганском храме был молодой священник — отец Павел Адельгейм, которому чудом удалось привезти из Москвы старинный иконостас.

Частыми гостями у отца Серафима были дети. Он всегда радовался, когда они приходили в храм, спрашивал у родителей, «как чувствуют себя детки», помнил всех и передавал им гостинцы. Не раз он собирал детей после службы и, пообщавшись с ними, выносил им из своей кельи или детские книжки, или сладости. Помогал он порою соседским детям делать домашние задания.

Обстановка комнаты, в которой жил отец Серафим, была очень простой. Над входом в комнату висела репродукция «Сикстинской мадонны» Рафаэля. «Красный», или молитвенный угол с образами, письменный стол с ящиками для книг и бумаг, на котором всегда стояла фотография его матери; круглый обеденный стол, платяной шкаф, стулья, легкая переносная ширма, кровать и небольшая софа. В проеме между окнами — старинный барометр. На стенах были развешаны портреты Оптинского старца Амвросия, патриархов Тихона, Алексия и Пимена, а также Патриаршие грамоты, которыми был награжден батюшка. Отдельно висел фотопортрет его предшественника — настоятеля отца Петра Княжинского.

Отец Серафим тонко чувствовал красоту Божьего мира; особенно любил живые цветы. При нем вся территория во-

круг храма была обильно засажена различными видами цветов. Приехав в самаркандский храм, батюшка завел общие тетради, в которых на протяжении многих лет регулярно вел каждодневные записи своих наблюдений за природой. Помимо температуры и осадков тщательно записывал, в каких числах распускались цветы и зацветали деревья, какие появлялись плоды или ягоды, когда пролетали журавли, появлялись ласточки и начинали петь лягушки.

При всей своей занятости батюшка всегда находил время для чтения. У него была очень хорошая библиотека духовной и классической литературы, пользоваться которой могли также и его духовные чада. Собирал отец Серафим и сведения по истории самаркандского Свято-Георгиевского прихода, о священниках, служивших в нем с 1923 по 1945 годы. Было у батюшки и немало самиздатовских книг и брошюр: книги духовного содержания были редкостью, их перепечатывали или же просто переписывали от руки.

Посещали отца Серафима и миряне; например, супруга известного писателя А. Лахути — поэтесса и переводчик с персидского на русский язык «Шахнаме» Цецилия Бенциановна Бану⁶. Она брала у отца Серафима книги духовного содержания и часто беседовала с ним. Ею было написано стихотворение, посвященное храму свт. великомученика Георгия в Самарканде и архимандриту Серафиму:

К тебе отовсюду, куда б ни ушла я,
всегда возвращаюсь незримо.
Обитель Георгия, сердцу родная, —
да будешь ты Богом хранима!
Ты скитом зеленым глядишь; вспоминаю
тот запах весенний жасмина,
тот шелест листвы — и твержу не смолкая:
да будешь ты Богом хранима!

6 Цецилия Бенциановна Бану-Лахути (1911–1998) — переводчица. Училась на курсах востоковедения, на персидском отделении, отправилась в Среднюю Азию, жила в Самарканде, где настолько освоила таджикский язык, что работала диктором на радио.

Где сад, там соловушки... лишь запоют
пред Таинством: «Глас херувима», —
знакомый твой клирос пред взором встает, —
да будешь ты Богом хранима!
Здесь с верою — новую жизнь начиная,
искала отца Серафима.
Из этих ворот выходила иная, —
да будешь ты Богом хранима!
Отец Серафим, в каждом видя родного,
старался помочь ощутимо.
Не знала обитель второго такого, —
да будешь ты Богом хранима!
Здесь молится паства, унынья не зная,
в усердии неумоима.
И верю, тебе говорю не одна я —
да будешь ты Богом хранима!

Одна за другой уходили из жизни верные члены общины. Не стало матушек – Анны, Софии и Рафаилы. В 1967 году скончалась матушка Иуния – старица, считавшаяся основательницей общины, ради которой когда-то батюшка решил остаться в храме. В 1978 году не стало алтарницы инокини Марии и матушки Евдокии, бывшей на протяжении многих лет его верной и неумоимой помощницей. Матушка Евдокия скончалась последней. Она была из числа тех, кто к приезду отца Серафима в Самарканд составлял ядро Свято-Георгиевской общины.

Ко дню Святой Пасхи 1972 года отец Серафим был награжден правом служения Божественной Литургии с открытыми вратами — до «Херувимской песни», а в 1977 году Святейший Патриарх Пимен наградил его правом ношения второго креста с украшениями.

Новый владыка — Варфоломей (Гондоровский), приезжая в Самарканд, обязательно останавливался у отца Серафима. Вообще все владыки, с 1944-го до 2011 года, имели

обыкновение останавливаться на ночлег в Свято-Георгиевском храме. Комната батюшки Серафима после его кончины была немного переоборудована для встречи владык и гостей и до сих пор так и называется «владычней».

Владыка Варфоломей относился к батюшке Серафиму очень уважительно и тепло, обращаясь к нему не иначе, как «дорогой старче». Не замечая времени, они могли просидеть за беседой до рассвета, а после бессонной ночи начать служить Литургию. В 1975 году к архимандриту Серафиму приезжал из России церковный историк С.А. Зегжда⁷. Он специально посетил Самарканд, чтобы пообщаться с батюшкой, как с одним из немногих уцелевших активных членов Александро-Невского братства. В том же 1975 году, в ноябре, отец Серафим ездил в Ленинград, остановившись у С.А. Зегжды, и в последний раз побывал в местах, где прошли его юные годы.

Еще с того времени, когда настоятелем был отец Петр, в общине праздновались дни ангела священников. По традиции, после богослужения все самаркандские священнослужители, пришедшие поздравить батюшку, собирались на веранде. Отец Серафим просил в такие дни не дарить ему подарков, но просил певчих исполнить для него любимое место из тропаря Триоди постной, поющее в Неделю о блудном сыне; «Объятия Отча отверсти ми потщися...».

Отец Серафим постоянно помогал нуждающимся. Батюшка часто получал денежные переводы от благодетелей и разных лиц, но эти деньги у него не задерживались. У него на столе лежала целая кипа чистых бланков на денежные переводы, и всякий раз его верная помощница, Нина Михай-

7 Сергей Андреевич Зегжда (р. 1935) — ученый, доктор физико-математических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной механики Санкт-Петербургского государственного университета. Его мать, Варвара Сергеевна Зегжда, и тетя, монахиня Сергия (Заспелова), были активными братчицами Александро-Невского братства, а сам С.А. Зегжда был духовным чадом протоиерея Петра Гнедича (служившего в конце 1940-х в Ташкенте). Автор книги «Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом». [Набережные Челны]: Новости мира, 2009.

ловна Сакмаркина, идя в город, отправляла по указанным адресам батюшкины деньги. Он посылал их семьям священников, сидевших в тюрьмах или лишенных уполномоченными права служить, рассылал их бедным и нуждающимся и в монастыри. Мне рассказывали старые прихожане, что когда в их семьях были сложные жизненные обстоятельства, то они находили у себя в почтовых ящиках конверты с деньгами — и только спустя время догадывались, что это была помощь от батюшки Серафима.

Отец Серафим по характеру был оптимистом. Часто называл себя веселым монахом, а своих духовных чад призывал чаще радоваться в жизни, жить проще и смиряться. Уже после его ухода монахиня-алтарница и староста храма рассказывали, что когда отец Серафим стоял в алтаре коленопреклоненный и молился, то молитва его всегда была пламенной. Во время молитв в алтаре он часто плакал, во время проповеди и при чтении Евангелия не мог сдержать слез. Проповеди его были вдохновенными и наполненными внутренним горением. Отец Серафим никогда не пользовался готовыми напечатанными текстами, хотя заранее делал записи для предстоящих проповедей. очевидцы вспоминают, что он цитировал Евангелие наизусть, а также акафисты и каноны. Входя в храм, он ежедневно ставил двенадцать свечей, к некоторым образам — постоянно, а к остальным — по одному ему известному правилу. После кончины батюшки в его келье на столе осталась коробочка с деньгами, на которой была надпись «на свечи». Со дня кончины отца Серафима из этой коробочки ежедневно брали деньги и ставили на них двенадцать свечей, как это делал он сам при жизни, и денег хватило ровно на сорок дней.

В последние годы жизни он был вынужден присаживаться или ставить больную ногу на скамеечку. Если же по какой-либо причине он сам не совершал Божественную Литургию, то все равно был в храме и пел на клиросе. А когда болезнь не позволяла ему покинуть стены кельи, он садился

у раскрытого окошка, неподалеку от алтаря, чтобы слышать службу.

К осени 1978 года батюшка снова занемог. Ложиться в больницу он не стал. С октября по декабрь он принимал усиленное лечение, но без особого результата; ему становилось все хуже. 30 декабря церковный совет направил владыке Варфоломею срочную телеграмму, в которой сообщалось об ухудшении состояния настоятеля. Несколько позже сам отец Серафим продиктовал текст телеграммы для владыки: «...Из-за участвовавших в последнее время сердечных приступов я не могу дать гарантии, что вообще смогу служить. Прошу Ваших распоряжений. Ваш смиренный послушник архимандрит Серафим».

На праздник Рождества Христова в январе 1979 года, уже сильно ослабевший, отец Серафим служил вместе с отцом Димитрием Козулиным. В Рождественскую ночь народу в храме собралось много и было очень душно. Решили открыть верхние окна. Отец Серафим простудился, началось воспаление легких. Батюшка слег. Во время приступов его рубашка становилась мокрой, но он стеснялся говорить об этом тем, кто ухаживал за ним. Всем, кто переодевал его и лечил, он целовал руки. Сердечные приступы, следовавшие один за другим, были тяжелыми, и каждый раз казалось, что наступают последние минуты. Батюшка терпел — ни стонов, ни жалоб. Последние сорок дней он почти не поднимался с постели. Болезнь обессилила его, но он настаивал, чтобы к нему впускали людей для напутствия и благословения.

Последние несколько дней приступы шли подряд; те, кто ухаживал за батюшкой, почти не спали. Одна из ран на ноге стала затягиваться, и батюшка сказал, что это к концу. 20 февраля у него начался отек легкого, а изо рта пошла кровавая пена. Когда возле него собирались помолиться, он просил обращаться к Иверской Божией Матери. В 12 часов ночи он попросил всех выйти, сказав, что хочет поспать. Когда

подошли к нему около 2-х часов, он уже не дышал [Трофимов, 1992]. Случилось это 21 февраля 1979 года.

Весть о кончине архимандрита Серафима разнеслась быстро. Обстоятельства не позволили приехать в Самарканд владыке Варфоломею, но, по его указанию из Ташкента были посланы священники, чтобы проводить в последний путь пастыря, отдавшего большую часть своей жизни служению Господу и людям. Из Москвы прилетел племянник матушки Евдокии — А.П. Арцыбушев. День был пасмурный. Батюшка лежал в гробу, обитом парчой. После того как в храме была отслужена Литургия и отпевание, процессия неспешно вышла во двор. Впереди женщины несли запрестольный крест и икону Богоматери, за ними шел диакон, кадя перед гробом. Все прошли под звонницей и, выйдя на улицу, повернули в сторону кладбища. Люди на руках пронесли гроб до самого места захоронения. По благословению епископа погребение было совершено протоиереем Георгием Касперским и самаркандскими священниками Георгием Хорунжим и Димитрием Козулиным. Настоятель Покровского собора игумен Сергей (Рябцев) сказал на похоронах: «Отец Серафим всегда ходил перед лицом Господа, научая свою многочисленную паству любви к Богу и людям, и повседневному сознанию вездесущия Божия».

Похоронили отца Серафима на кладбище недалеко от церкви, в одной ограде с дорогами и близкими его сердцу людьми — отцом Петром Княжинским, монахинями Евдокией и Иунией. На надгробном камне решено было выбить фразу из любимого песнопения батюшки Серафима; «Объятия Отча отверзти ми потщися...».

Батюшка не оставил никакого завещания. Незадолго до своей кончины отец Серафим положил под стеклом на столе лист бумаги, с собственноручно им переписанным стихотворением Алексея Хомякова «Подвиг», которое лучше любого завещания наставляет нас и показывает, какое наследство мы должны принять от отца Серафима.

Подвиг есть и в сражении, подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг — в терпении, в любви и мольбе.
Если сердце заняло перед злобой людской,
Иль сомненье схватило тебя цепью стальной;
Если скорби земные жалом в сердце впились,
С верой бодрой и смелой ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья, и взлетишь ты на них,
Без труда, без усилья, выше страхов земных.
Выше крыши темницы, выше злобы людской,
Выше воплей и криков гордой черни земной.
Подвиг есть и в сражении, подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг — в терпении, в любви и мольбе!

[Трофимов (личный архив автора)]

Отца Серафима любили и уважали множество людей. Среди них была и его духовная дочь и верная помощница — Нина Михайловна Сакмаркина. После ухода батюшки она в течение нескольких лет постоянно ухаживала за его могилой, поддерживая порядок и поливая цветы, которые он так любил. Как одна из самых близких отцу Серафиму людей, теперь она продолжала заботиться о том, чтобы имя батюшки не было забыто. Считая необходимым написать о жизни дорогого пастыря, Нина Михайловна обратилась с просьбой к писателю Александру Трофимову, поведав ему то, что она знала и сохранила в памяти из воспоминаний самого батюшки. Александр Трофимов написал краткое жизнеописание отца Серафима, которое было опубликовано в 1992 году в епархиальной газете «Слово Жизни». Со временем уехав в Россию, Н. Сакмаркина увезла с собой личную переписку и фотоальбом батюшки Серафима. Она не только сохранила ценные воспоминания о нем, но и поделилась ими, и данное жизнеописание архимандрита Серафима было написано в немалой степени благодаря ей.

Воспоминания священника Виктора Панченко

Архимандрит Серафим крестил меня в младенчестве. Я помню себя с трех лет, помню, как по воскресным дням и праздникам мы с бабушкой ходили в Свято-Георгиевский храм, где служил отец Серафим. Помню его добрые-предобрые глаза, тихий и ласковый голос... Его любили все прихожане. Его любили и птицы. Когда он выходил из храма во дворик, на его хрупкие плечи (он был невысокого роста) садились птички, и он их кормил с руки. Помню его наставления — не обижать животных, особенно птичек, у них (животных) ведь тоже есть душа. Да, помню, что для каждого из ребятишек в его кармане были или конфета, или печенюшка... А с какой любовью он благословлял людей, особенно детей! Все чистое, что во мне есть, — это от батюшки Серафима. Я через всю жизнь пронес уважение и любовь к нему. Позже, будучи сам священником, я был неоднократно свидетелем того, как к его могилке приходили узбеки и молились там, и сам слышал, что некоторые из них исцелялись от болезней.

Воспоминания регента правого хора Людмилы Жучковой

Моя мама, Жучкова Ольга Никитична, во время войны была эвакуирована с тремя детьми из Минска в Самарканд. Так как она очень любила детей, ее взяли работать в детсад, где она протрудилась в течение сорока лет. Нашим семейным покровителем всегда был святой Георгий Победоносец. Олюшка — так величал ее батюшка Серафим, — посещала Свято-Георгиевский храм. Она пела на левом клиросе, и ее голос звучал словно колокольчик, — у нее было лирическое сопрано. При виде ее батюшка говорил: «Олюшка пришла — наш колокольчик». Батюшка Серафим неустанно учил народ пению, уделяя этому большое внимание. Изучал вместе со всеми гласы, молитвы и т.д. Много нот было записано им самим. Он по крупицам собирал правый хор и еще в поддержку организовал из прихожан левый хор. Правый хор пел по

праздникам и воскресным дням, а левый — еще и в будни. В хоре пели не профессионалы, энтузиасты, но главное — все они любили церковное пение. Благодаря частым спевкам, которые непременно посещал сам отец Серафим, хор звучал прекрасно и отлаженно.

Игумен Серафим крестил меня в детстве и сам был моим крестным отцом. Уже пятилетней он благословил меня на «клирос». Я тогда, естественно, ничего не понимала в пении. Специально для меня к пюпитру приставляли скамеечку, чтобы я могла видеть ноты, и говорили: «Смотри! Мы вот здесь поем!». После службы я с плачем подходила к батюшке, так как не могла ничего разобрать. Но он успокаивал меня и говорил: «Все у тебя получится, не сразу Москва строилась. Вот увидишь, Людочка, — ты будешь прекрасной хористкой». Мне, ребенку, давали один рубль за вечернюю и утреннюю службы. Я не хотела брать деньги, но батюшка говорил: «Ты трудишься, стараешься, а это должно вознаграждаться».

Батюшка Серафим очень любил детей. Я бежала со своими подружками из школы не домой, а в церковь, к своему крестному отцу. Он усадит нас за стол, поставит чай, сухарики, и после этого начиналась у нас беседа. Батюшка расспрашивал об учебе, о прошедшем дне, ласково шутил. А перед нашим уходом он нарезал нам розы, и мы радостные бежали по домам. В день Ангела батюшка обязательно дарил имениннику большую просфору и книгу какого-нибудь классика, которого мы проходили по школьной программе. Мне он подарил книгу с дарственной надписью: «Милой девушке Людушке от игумена Серафима». А когда в свое 16-летие я прибежала домой, меня ожидал большой сюрприз — новенькое пианино «Беларусь». Позже я узнала, что это батюшка помог деньгами моей мамочке приобрести для меня такой дорогой подарок.

После окончания школы у меня не было дилеммы, куда пойти учиться. Я окончила музыкальное училище по классу

«хоровое дирижирование» и стала по благословению отца Серафима регентом правого хора. Благодаря ему я начала заниматься музыкой, и это стало делом всей моей жизни.

Батюшка Серафим ввел правило — по вторникам петь и читать Акафист святому Георгию Победоносцу, небесному покровителю храма. И люди приходили, чтобы вознести хвалу великому святому.

Правый хор пел за оплату. Как-то случилось, что бас, приглашенный петь из оперного театра, стал возмущаться низкой платой за свои труды, и тогда батюшка стал доплачивать ему из своей зарплаты. «Бас! Это украшение хора!» — говорил он. У самого батюшки Серафима был красивый баритон, и он обладал идеальным слухом и очень тонко слышал любую фальшь в звучании хора. Благодаря развитому вкусу и трудам батюшки, в храме всегда поддерживалось пение на должном уровне. «Только спевки, — говорил он, — могут исправить все».

Отец Серафим всячески поддерживал своих прихожан: и морально, и материально, хорошо зная свою паству. Народ стремился попасть к нему на исповедь, тянулся к нему. И все находили у батюшки внимание, утешение и ласку. Он был добрым и отзывчивым пастырем для всех прихожан. Весь народ шел к нему со своими наболевшими проблемами, и каждый получал ответ на свой вопрос. Отец Серафим умел терпеливо выслушать пришедших и все возникшие споры, и конфликты решал мирно, считаясь при этом с мнением самих прихожан.

Он был очень трудолюбивым, усердным человеком; было непонятно, откуда он берет силы и когда отдыхает...

Воспоминания врача Валентины Ереминой-Базаровой

Мы жили неподалеку от церкви. Батюшка Серафим крестил всех моих четверых детей, а также детей моих братьев. Он тайно помогал нашей семье, зная наше материальное положение. В трудные дни мы находили деньги в нашем

почтовом ящике. Я тогда училась в медицинском институте. На окончание его батюшка подарил мне «Молитвослов» с дарственной надписью: «Помни и люби всегда Господа. 10 ноября 1962 года». В дальнейшем, работая врачом, я постоянно держала эту книжечку при себе. Находясь на дежурствах, читала молитвы из нее, а со временем дополнила ее другими молитвами.

Мне довелось лечить батюшку Серафима. У него была трофическая язва голени, на почве расширения вен. Требовалось длительное лечение. Я проводила это лечение в одном из церковных помещений, в крещальне, находящейся возле батюшкиной кельи. Отец Серафим присаживался на топчане, и я чуть ли не ежедневно меняла ему повязки и делала лечебные ванночки. Приходилось делать и более сложные процедуры, различные блокады: по методу А.В. Вишневого и паранефральную блокаду. После такого курса моего лечения батюшка чувствовал облегчение и меньше страдал от своей болезни.

В 1974 году, в июле, мне самой потребовалось лечение, и батюшка благословил меня ехать вместе с мужем в Ленинград. Под Ташкентом наш самолет потерпел авиакатастрофу. Мы с мужем чудом остались живы. Я считаю, что мы остались целы и невредимы благодаря благословию отца Серафима.

В последний раз мы виделись с батюшкой накануне его смерти, в феврале 1979 года. Он принял меня вечером, и мы с ним побеседовали. Я подарила ему вышитую мною большую салфетку с 45 фестонами. Батюшка так красиво и любезно рассматривал, и гладил каждый вышитый цветок. «Вы вышиваете без узелков, как французский король», — похвалил он меня. Батюшка благословил меня на прощанье, и мы расстались с ним. Под утро, как оказалось, отца Серафима не стало.

Сейчас, даже когда не читаю молитвы, поддержку подаренный им «Молитвослов» в руках, и день у меня удачен. С тех пор я постоянно, ежегодно в Пасху, подаю на год за упокой дорогого батюшки Серафима.

Литература

Архимандрит Серафим (Суторихин) // Личное дело. Архив Ташкентского Епархиального Управления. Оп. л/д 1. Ед. хр. 370. Л. 27.

Гусева Э.К. Русские списки И[верской] и[коны] / Иверская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 21. С. 8–22.

Зегжда С.А. Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом. Набережные Челны, 2009.

Иринин А. Как отцы теряют паству // Ленинский путь. 11 июня 1960 г.

Письмо отца Петра Княжинского Владыке Ермогену. Архив Свято-Георгиевского храма.

Трофимов А.А. Жизнеописание архимандрита Серафима. Копия рукописи. (Личный архив автора).

Трофимов А.А. Прихожанин. Из жизнеописания архимандрита Серафима (Суторихина) // Слово Жизни. 1992. № 25 (39).

Фокин С.Л. Заговор молчания: о «Русском дневнике» Пьера Паскаля // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 223–257.

«Участвовало в стяжении победы...» / Документы о служении православного духовенства Узбекистана в 1941–1945 годы. Публикация Е. Абдуллаева. 2015. № 2 (XXXVII). С. 56–60.

References

Archimandrite Seraphim (Sutorikhin). Private business. Archive of the Tashkent Diocesan Administration. Op. 1/d 1. Unit ridge 370. L. 27.

Fokin S.L. The Conspiracy of Silence: About Pierre Pascal's «Russian Diary». Questions of Literature, 2016, no. 4, pp. 223–257.

Guseva E.K. Russian lists of I[verskaya] and [kona]. Iberian Icon of the Mother of God. Orthodox Encyclopedia. Moscow, 2000, vol. 21, pp. 8–22.

Irinin A. How fathers lose their flock. Lenin's way. June 11, 1960.

Letter from Father Peter of Knyazhinsky to Vladyka Hermogenes. Archive of St. George's Church.

Trofimov A.A. Biography of Archimandrite Seraphim. Copy of the manuscript. (Personal archive of the author).

Trofimov A.A. parishioner. From the biography of Archimandrite Seraphim (Sutorikhin). Word of Life, 1992, no. 25 (39).

Zegzhda S.A. Alexander Nevsky Brotherhood: a good example, life and word. Naberezhnye Chelny, 2009.

«Participated in the acquisition of victory ...». Documents on the service of the Orthodox clergy of Uzbekistan in 1941–1945. Publication by E. Abdullaev, 2015, no. 2 (XXXVII), pp. 56–60.